

развития обуславливает необходимость рационализации и демократизации процесса социального управления, гуманизации всех сфер общественной жизни. Современная политика испытывает значительно более сильное воздействие со стороны общественного мнения, находится под пристальным вниманием средств массовой информации. В силу этого она становится в большей степени открытой и уязвимой для критики.

Более высокие требования предъявляются сейчас к моральным качествам самих политиков. Любое проявление аморальности становится предметом гласности и вызывает негативную реакцию общества. С этим вынуждены считаться все политики, им необходимо выглядеть безупречными и респектабельными в нравственном отношении. «Чтобы не выглядеть «голым королем», современные политики должны рядиться в моральные одежды даже в тех случаях, когда они им явно не по росту и сковывают их движения. Прогресс цивилизации выражается, кроме всего прочего, и в том, что моральные соображения все в большей мере становятся фактором сдерживания деспотических намерений и насильственных действий политиков. Это определяется также тем, что ставки в политических играх неизмеримо возросли и риск аморальных действий может оказаться непропорциональным выигрышу, если он вообще возможен»¹.

Цивилизационный прогресс, безусловно, в целом совпадает с прогрессом нравственным. Однако исторический процесс никогда не был однозначным и прямолинейным, как Невский проспект. Он отличается единством и борьбой противоположностей, сосуществованием добра и зла, возвышенного и низменного, трагического и комического. Наше время также насыщено разного рода противоречиями, ему присущи, казалось бы, несовместимые антагонизмы. Парадоксальным, в частности, является тот факт, что достигнутый современным обществом высокий уровень экономического и технологического развития сопровождается девальвацией многих традиционных нравственных ценностей. Научно-технический прогресс опережает нравственное развитие человечества, его много-

¹ Nuclear Deterrence and Moral Restraint. N. Y., 1990. P. 7.

численные издержки оказывают подчас разлагающее влияние на общественное сознание и мораль. Пренебрежение к этическим ценностям и принципам политической морали находит свое выражение в милитаризации многих областей жизни общества, эскалации проявлений насилия и нарастающей волне терроризма, манипуляции массовым сознанием и политических спекуляциях на этнических и религиозных чувствах людей, в политике «двойного стандарта» и господстве культа силы на международной арене.

Попираание норм морали на уровне государственной политики имеет своим неизбежным следствием девальвацию этических норм на индивидуальном уровне. «Граждане государства, – пишет французский политолог Ж. Варен, – практикующего законы джунглей в своей международной политике, закономерно задают себе вопрос: если это позволено моему государству для достижения преследуемых им целей, то почему не могу действовать подобным же образом и я, чтобы решить свои проблемы»².

Многие ученые бьют сейчас тревогу по поводу продолжающейся разобщенности политики и морали, обращают внимание мировой общественности на кризисное состояние моральной сферы. Указывается, что идеология политического прагматизма, основным принципом которого является тезис «морально все то, что выгодно и ведет к успеху», а руководящей установкой выступает политическая целесообразность, неизбежно ведет общество к «моральной опустошенности» и сползанию к «моральному релятивизму». Они констатируют, что если в общественном сознании значение и авторитет морали возрастают, то в политической практике она по-прежнему находится на положении «бедной родственницы». Поскольку отторжение политики от морали остается реальной и актуальной проблемой современности, в мировой научной мысли активно дискутируются сейчас вопросы о том, как сделать политику моральной, каким путем преодолеть разрыв между хрупким авторитетом морали и безмерным владычеством техники, что можно противопоставить непомерному властолюбию политиков и заставить их сле-

² Varin J. La criminologie et L'immoralite internationale // Revue des sciences crimineles. 1971. № 3. P. 745.

довать нравственным нормам, возможен ли ненасильственный прогресс цивилизации.

В качестве детерминантов политического аморализма называются как объективные, так и субъективные факторы. Широкое распространение на Западе имеет концепция, согласно которой несовместимость политики и морали объясняется наличием внутренне присущих человеческой природе эгоистических и агрессивных инстинктов, неустранимой тяги к захвату и господству. Утверждается, что именно благодаря этим врожденным биологическим свойствам человека неизбежны извечная конфликтность и борьба между индивидами, нациями, государствами. «Если стремление к самосохранению и господству – первый закон природного мира, – пишет американский профессор Сесиль Крэбб, – то это же является первым законом политики»³. В силу того, что люди якобы генетически запрограммированы на борьбу за жизненные блага и власть, «властный императив» берет верх над «нравственным императивом» и определяет их поведенческие реакции. «Культ потребительства и силы, национальный и групповой эгоизм ведут к потере внутренней стабильности и моральной неустойчивости, служат питательной почвой для индивидуального и коллективного аморализма»,⁴ – таково мнение лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца. Истоки социальной деструктивности и нравственной конфликтности, как он считает, следует искать в «первородной греховности» человеческой природы.

Однако не существует убедительных доказательств того, что человеческая природа обладает каким-либо заранее заданным моральным содержанием. Жизненная практика показывает, что она носит открытый характер для проявления как зла, так и добра, эгоизма или альтруизма. Поведение человека, в зависимости от обстоятельств, может быть агрессивным или миролюбивым. «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»⁵.

³ Crabb C. American Foreign Policy in the Nuclear Age. N. Y., 1985. P. 5.

⁴ Lorenz K.. On Aggression. N. Y., 1987. P. 86.

⁵ Маркс К.. Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

Известно, что в процессе эволюции человеческой природы соотношение биологического и социального изменялось в пользу социального фактора, происходило накопление общественно полезных качеств в генетическом коде человека, определяющих его прогрессирующую способность контролировать нежелательные проявления естественной природы в соответствии с нравственными нормами цивилизованного общества. Вся история есть нечто иное, как беспрерывное изменение человеческой природы.

Степень цивилизованности в значительной мере определяет, в какую сторону могут быть повернуты потенциальные способности и врожденные свойства человека. Как полагает известный немецкий антрополог Айбл-Айбесфельд, возможность использования тех или иных средств в политике находится в зависимости от соотношения ценностей в инфраструктуре культуры, которой руководствуются люди и продуктом которой они сами являются. «Человек не раб своих генов. Он есть культурное существо, – пишет он. – У человека существуют сдерживающие факторы культурного порядка над проявлением его врожденных наклонностей. С помощью культурной адаптации человек вырабатывает стратегию своего выживания в изменяющихся условиях окружающей его среды»⁶.

Корни расхождения между политикой и моралью, повышенного уровня аморальности современного общества некоторые ученые видят в антагонистической сущности техногенной цивилизации, в издержках научно-технического прогресса. Моральные ценности в условиях технократизированного образа жизни, заявляют они, подчинены тотальной цели – «удовлетворению амбиций Прометея», то есть стремлению общества любой ценой подчинить силы природы, обеспечить ускорение промышленно-технологического развития. Результатом этого является девальвация моральных ценностей. Так, по мнению французского философа Э. Морэна, «наша цивилизация, вступающая в полосу жестокого кризиса, обусловила акти-

⁶ Eibl-Eibesfeld I. The Biology of Peace and War. N. Y., 1993: London. P. 17.

визацию проявлений иррациональных наклонностей и низменных инстинктов человеческой природы, предопределила нейротическую и аморальную форму разрешения возникающих политических конфликтов»⁷.

Доминирующее место в политической философии продолжает занимать концепция, обосновывающая неизбежность коллизии между политикой и моралью специфической природой политической деятельности, ее объективно обусловленными законами и логикой осуществляемых функций. Утверждается, что в политике все должно быть подчинено главной цели – защите национально-государственных интересов, укреплению власти, обеспечению безопасности и жизнедеятельности социума. Именно поэтому, как полагал классик современной политической мысли Ганс Моргентау, «аморальность, свойственная всякой человеческой деятельности, наличествует в политическом акте в большей степени и с большей очевидностью, нежели в акте индивидуальном»⁸.

Считается, что в политике невозможно руководствоваться общепринятыми нравственными стандартами, она не подвластна каким-либо универсальным моральным принципам, политическая этика не совместима с индивидуальной этикой. Теоретически аргументированное обоснование этой позиции изложено в статье И. А. Гобозова «Политика и мораль». Нельзя не согласиться с его мнением, что политика безжалостна и цинична по своей функциональной предназначенности, она действительно не может исходить из абстрактных понятий добра и зла. Безусловно, политик должен в первую очередь заботиться о государственных интересах и общественном благе, принося, если это необходимо, в жертву интересы отдельных социальных групп и индивидов, переступая, когда этого требуют обстоятельства, через любые моральные постулаты. «Если политик будет заниматься морализаторством, а не решением неотложных политических задач, – пишет И. А. Гобозов, – то тем самым он объективно погубит тех, чьи интересы обязан защищать»⁹.

⁷ Solidarity// N 1, Manila, 1980. P. 46.

⁸ Morgenthau H. Scientific Man vs Power Politics. Chicago, 1956. P. 188.

⁹ Гобозов И. А. Политика и мораль // Социально-политический журнал. 1996. № 2. С.

Несомненно, что любой здравомыслящий политик, стоящий перед дилеммой, чему отдать предпочтение – политическим интересам или требованиям морали, наверняка склонится в пользу первого. И независимо от того, каково его личное моральное кредо, политические интересы будут играть определяющую роль, возобладать над нравственными убеждениями. Поэтому, очевидно, далеко не всегда следует относить нарушения политической этики на счет «злой воли» или личных негативных качеств отдельных лидеров, тех, кто принимает и проводит в жизнь политические решения.

Верно и то, что в политике, как нигде, критерии истины всегда подвижны и относительны. Например, силовую политику, «политику с позиций силы», далеко не во всех случаях следует рассматривать как явление с отрицательным знаком, априори морально не оправданное. Известно, что в условиях «холодной войны» и ядерного противостояния СССР и США мир фактически поддерживался благодаря существовавшему балансу равновесия сил между этими двумя мировыми сверхдержавами, обладавшими ядерным оружием и проводившими соревновательную гонку вооружения. Для обеих сторон был очевиден риск взаимного уничтожения в случае развязывания войны. Прискорбно, конечно, что в данном случае люди, будучи «высшими творцами природы», руководствовались в сохранении мира не разумом и моралью, а прежде всего опасностью всеобщей гибели. Но именно эта, с точки зрения формальной нравственности, «аморальная политика», основанная на силе и страхе перед возможностью применения этой силы, дала человечеству шанс выжить, отодвинула угрозу возникновения мировой ядерной бойни. «Никто не хотел умирать» – в этом заключался высший принцип политической целесообразности той исторической эпохи.

Следует отметить также и то, что моральная оценка исторических событий и политических действий зачастую носит субъективный характер, так как находится обычно в зависимости от социального положения и идейно-политической позиции субъекта, выступающего в роли оценщика. Французская революция 1789 года и российская революция в октябре 1917 года могут восприниматься и

соответственно морально трактоваться как освободительные от деспотического гнета монархизма движения народных масс, провозглашавшие идеалы Свободы, Равенства и Братства как исторически закономерные явления, подтолкнувшие поступательный ход истории. Но они же могут быть представлены и как результат «заговорщической деятельности» кучки революционных фанатиков, в качестве трагических событий, повлекших социальный хаос и гражданскую междоусобицу, разгул массового насилия, далеко не всегда оправданного. И обе эти оценки будут объективно отражать историческую действительность, содержать в себе «зерна истины». Каждый подход по-своему правомерен, служит познанию исторического процесса во всем его многообразии и противоречии. Из этого также следует, что нравственные нормы и оценки отличаются различием не только в зависимости от исторического времени, но и от тех идеологических ориентиров, которыми руководствуются представители тех социальных групп, чьи интересы и политические цели они выражают. «Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, то есть из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»¹⁰.

В целом рассматриваемая концепция противопоставления политики и морали выглядит достаточно убедительной. Тем не менее, на наш взгляд, здесь требуются определенные уточнения, конкретизация этих положений в контексте уже происходящих и прогнозируемых изменений в мировом общественном развитии. Никакая истина не обладает абсолютной всеобщностью, и поэтому «одномерный» подход к исключительно сложным и противоречивым явлениям политической жизни неприемлем. Для их правильного понимания и объяснения требуется учитывать всю совокупность исторических условий, смотреть не только назад, в прошлую историю, но и вперед, на возникающие социальные тенденции, отвечающие требованиям нового времени и перспективам цивилизационного прогресса.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 95.

Показателен тот факт, что политикам конца XX века уже не прощается безответственное отношение к общеразделяемым нравственным нормам. За открытое пренебрежение к ним приходится расплачиваться политической карьерой даже президентам и премьерам ведущих государств мира. Политика, не почувствовавшая дыхания нового времени и не отвечающая неодолимому стремлению масс к жизни «по справедливости и совести», не может в настоящее время рассчитывать на широкую поддержку и устойчивый успех.

Бесспорно, что сфера политического управления подчиняется собственным критериям рациональности и в расчет здесь в первую очередь принимаются практические требования жизненной действительности, а не нравственные идеалы. Политика диктует необходимость выбора таких средств, которые способны обеспечить наиболее эффективное осуществление преследуемых интересов и целей. Но это не означает, что жизнь общества ограничивается только одними потребительскими интересами, что политическая власть абсолютно независима от требований морали, может без всяких последствий их игнорировать. Власть в любом ее институциональном выражении для самосохранения и поддержания своего авторитета должна представлять себя как защитницу всеобщих интересов, подкреплять свою политику не только аргументами практического разума, но и такими нравственными понятиями, как справедливость, честность и т. д.

Нравственная политика представляется не только возможной, но и исторически необходимой, поскольку только политика, подкрепленная авторитетом нравственных ценностей, способна сегодня обеспечить выживание человечества, вывести его из запутанных лабиринтов насыщенного острыми конфликтами современного мира к обществу социальной свободы и справедливости.

Политика, занимая особое место в обществе и обладая большой степенью самостоятельности, не только находится под влиянием других сфер общественной жизни, но и оказывает в свою очередь на них обратное влияние, в том числе и на мораль. Та политика, которая выражает интересы большинства и обеспечивает реальную

защиту прав и свобод граждан, способствует укреплению нравственности. Без активных проявлений политической воли и действий невозможна практическая реализация нравственных норм и принципов. Политика выступает в роли регулятора нравственной жизни общества, способствует ее развитию. Нравственность, испытывая воздействие политики, сама также оказывает на нее существенное влияние. Опора на моральные принципы придает политике авторитет и содействует ее успешному проведению в жизнь. Прогрессивным для конкретной исторической эпохи политическим целям должны соответствовать моральные средства их реализации. «Цели, для которых требуются неправые средства, не есть правые цели»¹¹. В обоюдном оплодотворении политики и морали заключается сущность их взаимодействия, являющегося закономерностью и необходимостью одновременно.

Политика – это отношения между субъектами политической деятельности, интересы и цели которых могут не совпадать и быть очень разными. Это естественно так же, как и то, что каждая из сторон вправе преследовать и отстаивать свои интересы. Но при этом недопустимо для цивилизованного общества, когда одна из сторон не желает считаться с интересами другой, навязывает свою волю диктатом, прибегает к аморальным средствам давления.

К одной и той же цели можно идти неодинаковым путем, политические задачи возможно решать многими средствами, прибегать к различным методам для достижения определенных результатов в политике. Исторический процесс носит открытый характер, в нем всегда есть место разным альтернативам в отношении выбора как целей, так и средств их осуществления. И здесь большое, а подчас и решающее значение приобретает субъективный фактор, в том числе моральная позиция и качества политических лидеров, их «природная нравственная конституция».

Все политики в наше время выступают в качестве борцов за народные интересы и справедливый мир, за свободу и равенство всех людей и наций. Но под прикрытием этих высокоморальных лозунгов нередко их деятельность бывает подчинена узкокорыстным и

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 65.

честолюбивым целям, эгоистическим интересам привилегированных слоев общества, сопровождается использованием недемократических средств управления. В политике, конечно, всегда смешаны реальные проблемы общества и собственные интересы политиков, суть которых – борьба за власть и ее сохранение. Здесь все дело в пропорции, когда личные интересы преобладают над общественными в ущерб последним. Такой политический курс не может иметь нравственного оправдания.

Аморальный характер носит и политика популизма, когда лидеры в целях собственной популярности и политического выживания дают народу заведомо невыполнимые обещания, сознательно вводят людей в заблуждение всякого рода посулами, за которыми не стоит ничего реального, ибо отсутствуют возможности их выполнения. За примерами подобного рода аморальной политики нашим современникам далеко ходить не надо. Популизм, широко распространившийся в последние годы в России, есть по сути спекулятивное подыгрывание политиков настроениям и ожиданиям масс, их обман разного рода демагогическими лозунгами и иллюзиями о возможности простых решений сложных проблем. Корни этого аморального явления лежат в издержках и деформациях процесса социальной модернизации, кризисном состоянии экономики и несовершенстве нарождающихся демократических институтов, правовой анархии и нравственной вседозволенности, обнищании и низком уровне политической культуры масс, готовых поверить любым прожектам даже тогда, когда их невыполнимость очевидна.

Проявлением политического аморализма является и политика «двойного стандарта», к которой нередко прибегают государства ради защиты своих интересов и нанесения ущерба интересам других. В этом случае, исходя из соображений конъюнктурной выгоды, одним и тем же явлениям могут даваться прямо противоположные оценки и соответственно к ним проявляться очень разное отношение – либо однозначно отрицательное, либо безоговорочно положительное. Такая политика «двойного стандарта» часто имеет место, например, в отношении некоторых государств в вопросах о правах и свободах человека. Известны многочисленные случаи,

когда грубейшие попирания прав и свобод человека диктаторскими режимами в ряде стран, являющихся союзниками США, не вызывали с их стороны никакой официальной реакции, занималась «страховая позиция» их игнорирования и замалчивания. В то же время, если, с американской точки зрения, нарушались человеческие права и свободы в государствах, не входящих в число «американских друзей», неизменно поднимались шумные кампании протеста и обращения к мировой общественности с требованием их осуждения.

Другим не менее наглядным примером политики «двойного стандарта» является отношение американской администрации к вопросу торговли оружием. Известно, что США занимают первое место в оружейном экспорте, и американские компании, производящие военную продукцию, продают ее всем желающим по всему миру. Американские власти активно лоббируют интересы этих компаний и добиваются для них режима наибольшего благоприятствования. Вместе с тем США постоянно демонстрируют свою озабоченность моральными аспектами торговли оружием другими странами, и прежде всего Россией. Видя в ней своего главного конкурента на мировом оружейном рынке, США выдвигают в адрес России различного рода надуманные обвинения, приписывая ей то утрату контроля над ядерным арсеналом и якобы утечку ядерных материалов по каналам российской мафии, то нелегальную продажу оружия неким повстанческим движениям или террористическим организациям.

Такая лицемерная двойственность в политике, немало примеров которой можно найти и в политической практике других государств, в том числе и России, несомненно, оказывает деморализующее влияние на все стороны жизни мирового сообщества, мешает созданию в мире атмосферы доверия.

Сторонники концепции безусловного разделения политики и морали в качестве основного аргумента в ее пользу ссылаются на объективно присущие сфере политических отношений закономерности, детерминирующие извечное расхождение между ними, их неизбежную нестыковку. Но даже если это действительно так, то очевидно, что сама по себе закономерность того или иного явления

в общественной жизни вовсе не означает, что оно есть благо и что все действительное априори разумно и вечно. Если придерживаться такой точки зрения, то следует признать, что все войны, национальные конфликты и другие социальные катаклизмы, большинство из которых были результатом проявления определенных закономерностей исторического процесса, являлись благом для человечества. Люди не могут с фаталистической покорностью плыть по течению истории, и никакие закономерности не в состоянии снять различие между добром и злом, отменить возникшие еще на заре человеческой истории моральные нормы.

Нельзя не сказать и о другом. Научные исследования любой крупной социальной проблемы представляют сложный и тернистый путь поиска истины. Выдвигаются, сопоставляются и проверяются разные гипотезы, сталкиваются конкурирующие мнения. И ни один из рассматриваемых здесь взглядов на взаимоотношение политики и морали не является сам по себе научно несостоятельным, не представляется принципиально ошибочным. Просто история отводит каждой научной теории свое историческое пространство и время, в которых она призвана выполнить свою роль и функцию, стать органической частью восходящего процесса развития научного знания. Проблемы Политической этики не составляют в этом отношении какого-либо исключения, их надо также рассматривать в конкретно-историческом контексте. Как верно подметил О. Шпенглер, у каждой исторической эпохи и каждой культуры существует «свой собственный этический масштаб, значение которого ограничено ее пределами, и только в пределах своей исторической сферы данные моральные принципы истинны, а вне ее – они ложны»¹². Будущая цивилизация, возможно, став универсально всемирной, будет наверняка иметь совершенно иной «этический масштаб» и выработает свою политическую этику, адекватную новым социальным парадигмам и другому мировому порядку. Но даже и в качестве вероятно недостижимого идеала, порожденного романтической психологией человека и его идеализированным видением мира, оптимистический взгляд на рассматриваемые

¹² Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 447–448.

мую проблему служит в наше время стимулятором нравственного прогресса, тем мерцающим маяком в бурном океане политического бытия, на который человечеству следует ориентироваться.

Общество, безусловно, всегда строило и будет строить свою жизнь по законам рациональности и целесообразности, а следовательно, в политике, концентрирующей в себе все противоречия и трагизм жизненного бытия, преимущество всегда на стороне прагматических критериев. Но верно и то, что никакие соображения политической целесообразности и материальной выгоды не в состоянии заменить моральных принципов. Это подтверждается их древнейшим происхождением и непреходящим значением как одного из основных регуляторов человеческих отношений всех уровней, включая и политические отношения. Показательно, что когда происходит столкновение интересов разных субъектов политических отношений, они, как правило, апеллируют к нравственным критериям как к аргументу, позволяющему обосновывать свою позицию и защищающему их в конфликтных ситуациях. Нравственные критерии «работают» и приносят не меньшую пользу, чем прагматические критерии, выполняя свою особую функцию в жизни общества.

Несмотря на всю противоречивость и непредсказуемость современной политической обстановки, происходит процесс демилитаризации и деидеологизации политического сознания, его освобождения от стереотипов и догм эпохи «холодной войны». Преобладающей становится тенденция к демократизации и гуманизации политических отношений, поиску путей и средств ненасильственного прогресса цивилизации. Императив выживания человечества в постиндустриальную эпоху и в условиях глобализации политической сферы диктует необходимость создания мирового порядка, основанного не на силовой политике «взаимного гарантированного уничтожения», а на политике гарантированной всеобщей безопасности и справедливого мира, оптимального соотношения национальных и общечеловеческих интересов, равноправия всех наций и этнических групп, приоритетности человеческих прав и свобод.

Представление о государстве как только военной силе, исходящее из количественных и качественных показателей его военной мощи, изживает себя. Сила и жизнеспособность современного государства определяются теперь уже в первую очередь факторами социально-экономического, научно-технологического и демократического развития, качеством жизни его граждан, их сознательной и активной поддержкой проводимой властью политики, ее моральным авторитетом. Народные массы, являющиеся субъектом и объектом исторического процесса, привносят в политику высокие нравственные идеалы, их коренные интересы и цели составляют фундамент нравственной политики.

Люди до сих пор с большим успехом «очеловечивали» природу, но теперь настал момент, когда еще в большей мере нуждается в «очеловечивании» само общество. Если верно, что сознание и поведение человека есть прежде всего продукт конкретных общественных обстоятельств, то для его морального совершенствования надо изменять эти обстоятельства, делать их более человечными.

Сумеет ли политика когда-нибудь сблизиться с моралью, будут ли политические принципы и отношения соответствовать нравственным нормам и законам этики, есть ли у человечества основания с оптимизмом встречать надвигающиеся рубежи времени и истории – XXI век и новый этап цивилизационного развития общества? Окончательный ответ на эти вопросы может дать только история. И, наверное, будущие поколения, обогащенные старым опытом и новыми знаниями, смогут лучше разрешить все те вопросы, которые сегодня кажутся неразрешимыми. Человечество находится сейчас на рубеже перехода в новое столетие и тысячелетие, где еще ничего не случилось и все возможно.